

— На сегодняшний день большинство учеников учатся ради того, чтобы сдать императорские экзамены. И видят Боги, «я хочу стать чиновником» — это не то, что следует заявлять первому встречному. Но, даже сдав экзамены, важно иметь желание и стремление. Люди без амбиций и люди, чьи слова пусты и скучны, обречены на провал. Хотя, на первый взгляд, им может светить неплохая карьера. Так что не забывайте о своих стремлениях, вкладывайте всю душу и сердце в ваши домашние работы, запоминайте наизусть поэзию и литературу и прилежно учитесь с самого первого дня вашего обучения.

Господин Чжуан очень хорошо понимал цели своих учеников. И то, что ими движет и заставляет их учиться. Так что в первый же день учёбы он сразу приступил к делу и принялся преподавать им историю здешних краёв, регулярно проверяя, что они запомнили, и, поскольку почти все его студенты сдавали императорские экзамены, у него было множество примеров того, каким должен быть хороший ответ. Взяв за основу какую-либо статью, он показывал, какие её части могут стать хорошими примерами при ответе, а какие являются слабыми местами.

Поняв, что этот учитель ставит перед собой чёткую цель и добивается её логичными и прозрачными методами, Минлань тут же начала относиться к нему с восхищением и уважением. Она всегда ощущала в древнем Конфуцианстве толику лицемерия. Все стремились сдать императорские экзамены, но при этом притворялись, что учатся ради того, чтобы заниматься саморазвитием. Но господин Чжуан весьма чётко высказался по этому поводу.

— Желание всегда были самой благой и мудрой вещью в этом мире. Чтобы править страной, для начала, нужно желать править страной. Чтобы завести семью, сперва нужно захотеть завести семью. Чтобы улучшить своё тело и разум, нужно желать сделать это, нужно иметь волю. И только если вы обретёте эту волю, вы сможете стать лучше, завести семью, править страной. И если вы пройдёте этот путь, тогда, если вы действительно станете правителем, в вашей стране будет мир и покой. Запомните: учёба — это не запоминание статей и поэм наизусть. Это длинный путь, суть которого в развитии вашего разума, равно как и вашего тела. И, чтобы сформировать фундамент, который поможет вам в жизни, вам придётся много трудиться, ибо этот фундамент должен быть надёжным.

Чанбай и Чанфен сидели в первом ряду, спереди. Они были весьма высокими для своего возраста, должно быть, потому что унаследовали гены Шэн Хуна. Но Чандуну, сидевшему позади, не слишком-то было видно учителя, поскольку двое сидевших впереди него подростков были высокими и широкоплечими. Во втором ряду также сидели три девочки, которые выглядели изящными и воспитанными. Несмотря на их юный возраст, все их движения были выверенными и соответствующими этикету. Две из них уже обладали женской красотой. Господин Чжуан глядел на них с улыбкой, снова и снова поглаживал свою тонкую бородку и кивал. Да, они радовали глаз пожилого учителя, тем более, в силу его возраста ему уже не нужно было держаться подальше от своих учениц, боясь, что его заподозрят в чём-то нехорошем.

На подобных частных занятиях помимо учителя присутствовало шесть человек, не считая ожидавших снаружи слуг, готовых в любой момент подлить чая в чашку и подкинуть дров. Также в древности ученики всегда занимались одним неизбежным занятием: чтением поэм вслух с активной артикуляцией. То, насколько хорошо ты её выучил, не имело большого значения. Тебе приходилось качать из стороны в сторону головой, щурясь, смотря на текст и

растягивать слова. Считалось, что это не только делает читаемый текст более выразительным, но и показывает всю суть слов.

Молань казалось, что в исполнении девочки такое чтение выглядело не слишком приятно, и она всегда отказывалась читать, утверждая, что после активной работы шеей у неё кружится голова. К тому же, раз уж господин Чжуан не слишком-то интересовался ими, девочками, она решила, что это попросту бесполезно. Эта затея нравилась только Минлань, которая знала, что круговые движения головой перед чтением помогают избежать затёкшей и больной шеи. Всего лишь пара движений головой и шея, и плечи переставали болеть. Минлань, наконец, поняла, как древние учёные, проводившие всё своё время за книгами, избегали болезней шеи: чем дольше она читала, тем сильнее ей приходилось качать головой. Минлань выходила читать перед господином Чжуаном дважды в день.

Согласно правилам, установленным господином Чжуаном, слугам не разрешалось входить внутрь во время занятий. Так что подготовкой чернил и бумаги они занимались самостоятельно. С этим справлялись все, кроме Чандуна: он был слишком мал, и ему было сложно растирать чернила. Так случилось, что он сидел прямо позади Минлань.

Постоянно слыша позади себя звуки паники и периодический стук, Минлань решила помочь ему. И, когда господин Чжуан отвернулся, она быстро повернулась и поменяла свой чернильный набор с набором Чандуна. Она провернула это так быстро и чётко, что когда господин Чжуан вновь посмотрел на неё, Минлань уже занималась растиранием чернил с серьёзным и сосредоточенным видом.

Сверкнув глазами, господин Чжуан невозмутимо продолжил лекцию. Минлань облегчённо выдохнула.

— Спасибо тебе, шестая старшая сестра, — тихо произнёс сидевший позади мальчик. Минлань не стала оборачиваться и лишь кивнула, обозначая, что услышала сказанное.

Это начало перерастать в дружбу. На следующий день, когда Чандун вместе с прочими детьми посетил зал Шоу'ань, он тихонько потянул Минлань за край рукава, после чего поклонился и сложил руки в жесте благодарности. Затем, следующие полдня он что-то пытался сказать ей шёпотом. Глядя на Чандуна, который был ниже её на голову, Минлань чувствовала удовлетворение.

— Что случилось, седьмой младший братик? Скажи мне, — терпеливо попросила она.

Несмотря на воодушевлённый вид, у Чандуна возникли трудности с выражением своих мыслей. Он принялся сбивчиво объяснять, что являлся всего лишь сыном служанки Ван Ши и был неграмотным вплоть до своего пятилетия, пока он не попал на уроки господина Чжуана, что стали для него чем-то вроде откровения с Небес.

— Старший брат научил меня несколькими словами... Но потом ему нужно было готовиться к экзаменам и я не хотел отвлекать его... — смущённо произнёс он. — Шестая старшая сестра,

я... — он редко общался с людьми, так что он вёл себя робко и говорил весьма медленно.

— Оу, — осторожно ответила Минлань, размышляя над тем, стоит ли помогать другим или же лучше заботиться только о себе. Лицо Чандуна тут же приобрело странное выражение. Предвкушение и готовность учиться смешивались с старательно скрываемым страхом, что его отвергнут.

Сострадание было не чуждо Минлань, так что она заглянула в комнату и увидела, что пожилая госпожа болтает с Ван Ши. И, прикинув, сколько времени у них есть до начала занятий, отвела Чандуна к серванту, расписанному узорами в виде груш. Там она нашла книгу, помеченную красными точками, и вручила её Чандуну со словами:

— Эту книгу дала мне бабушка, чтобы я учила слова. Я не слишком-то пользовалась ей, она, можно сказать, новая. Она поможет тебе с изучением слов. Ты ещё мал, так что не волнуйся, даже если ты выучишь десять слов в день, это будет уже замечательно. Теперь каждый день перед школой я буду подбирать тебе несколько слов, которые ты должен будешь выучить, пока слушаешь господина Чжуана, хорошо?

На лице Чандуна расцвела широкая улыбка. Он принялся кланяться и повторять слова благодарности Минлань. Глядя на счастливого Чандуна, Минлань вспомнила, как пятеро взрослых людей заставляли её собственного племянника ходить в школу, и внезапно почувствовала грусть.

В тот день она научила Чандуна пяти иероглифам. Чандун с широко раскрытыми глазами смотрел на то, как Минлань выводила их, и изо всех сил старался запомнить их с первого раза. Он переписал их в пропись и прописывал их, сидя на уроках господина Чжуана. Прописав нужное количество, он продолжал практиковаться, прописывая их на рисовой бумаге, пока занятия не заканчивались. После этого Минлань повернулась и проверила его труды.

— Чандун очень умён. Если отец узнает, он будет очень рад, — улыбка, с которой Минлань произнесла это, глубоко тронула Чандуна. Его лицо было наполнено радостью, смешанной со смущением. Он густо покраснел.

Минлань думала, что у ребёнка вскоре пропадёт желание учиться, и она совершенно не ожидала, что Чандун будет приходить к ней аж за полчаса до времени пробуждения. Минлань любила поспать и всегда просыпалась последней. У неё были настолько большие проблемы с пробуждением, что Данцзюй едва ли не приходилось обливать её водой, чтобы она проснулась вовремя. А теперь, с Чандуном, эта привычка выглядела ещё хуже.

— Шестая старшая сестра, прости, прости, ты так хорошо спала, пока я не пришёл столь рано, я подожду тебя снаружи.

Чандун знал, что Минлань всё ещё в кровати, поэтому он вежливо ожидал у лестницы возле дверей. И, после того, как он несколько раз повторил это, он развернулся, собираясь уйти, но был пойман Данцзюй и внесён в комнату. Минлань, уже была на ногах, но всё ещё не хотела

отпускать одеяло. Стоявшая рядом с ней служанка Цуй посмотрела на мальчика с хитрой улыбкой. Лишь увидев Чандуна, Минлань окончательно смогла проснуться.

Чандуну было всего пять лет. Он должен был до сих пор спать и совершенно не интересоваться никакими книгами, но он проснулся до рассвета только ради того чтобы учиться. Родись он в современной семье, его родители были бы настолько счастливы, что запускали бы фейерверки каждую ночь, празднуя то, что их ребёнок так сильно хочет учиться. Минлань не хотела заставлять Чандуна ждать, так что ей пришлось принять тяжесть этой ноши и просыпаться рано каждый день.

— Запомни: писать нужно слева направо и сверху вниз. Когда пишешь сложные черты, веди кисть сначала направо, а потом налево. Когда заканчиваешь выводить черту, поднимай руку медленно. А когда переходишь к следующей черте и опускаешь руку вновь, слегка приподними запястье. Так получится лучше...

Минлань с Чандуном сидели рядом друг с другом у очага. Минлань показывала, как пишутся различные графемы, служанка Цуй принесла им маленький чайный набор, включавший в себя поднос, расписанный чёрными цветами и две белых фарфоровых чашки, который были расписаны разноцветными цветами.

— Спасибо вам, старшая служанка Цуй, я приношу вам столько проблем. Из-за меня вам приходится больше работать, — произнеса это, Чандун слегка покраснел. Он взял фарфоровую чашку, которую ему протянула служанка Цуй, и вежливо поблагодарил её. Когда он жил у Ван Ши, он боялся сделать лишнее движение. Он разговаривал только с наложницей Сян. Но и с ней он не слишком-то много общался. За те несколько дней, которые Минлань занималась его обучением, он не только выучил много слов, но и научился связно выражать свои мысли.

— О, Будда! Мой мальчик, зачем ты так говоришь? Если бы не ты, я бы потратила куда больше усилий только на то, чтобы хотя бы разбудить эту юную госпожу! — сказав это, служанка Цуй рассмеялась.

Минлань притворилась, что не слышала это и, наклонив голову, принялась дуть на чай в своей чашке.

— Пейте чай, седьмой юный господин. Он заварен с листьями красного дерева, сливами и коричневым сахаром. Это очень сладкий чай. Он увлажняет лёгкие и согревает желудок. Это отличный напиток утром, он помогает пробудить аппетит перед завтраком.

Чандун, державший чашку двумя руками, отхлебнул чая. Его губы окрасились в красный. Набрав в рот чая, он некоторое время наслаждался его сладостью, после чего застенчиво, но искренне поблагодарил.

— И правда очень вкусно, спасибо вам... Но если я буду пить это каждый день, разве это не будет тратой ваших ресурсов? Не стоит делать это для меня в будущем, мне не обязательно пить это... — его слова становились всё тише и тише.

— Не волнуйтесь, седьмой юный господин. Как столь малое количество чая может навредить нам? — рассмеявшись, ответила служанка Цуй. — Если вы будете приходить каждое утро, тогда я буду всегда подавать вам этот чай. Правда, не известно, хватит ли терпения вашей шестой старшей сестре...

Сказав это, она с усмешкой посмотрела на Минлань. Та в ответ выдавила из себя тёплую улыбку. Не верьте книгам, в которых пишут, что попав в прошлое и став юной госпожой, можно будет спать целый день. Все эти книги врут!

Тем временем, снаружи Данцзюй по поручению Минлань, собирала её вещи, в том числе бумагу и принадлежности для каллиграфии в бамбуковую корзинку.

— Старшая сестра Данцзюй, скажи, то, что седьмой юный господин приходит сюда — хороший знак, но наша юная госпожа выглядит усталой... Только посмотри на неё, зевает изо всех сил. Я бы лучше дала ей поспать подольше. Почему она не может учить его ближе к полудню? — с глупым видом поинтересовалась Сяотао, помогавшая ей.

Удивлённо вскинув свои изящные брови, Данцзюй замахала рукой, прерывая Сяотао, и тихо произнесла:

— Не болтай попусту! В этом поместье живёт много детей. Нельзя ставить одного превыше другого. Пожилой госпоже это уже тяжело даётся, ей приходится следить за тем, чтобы она не относилась ни к кому предвзято. Нам повезло, что мы живём здесь. Это всё благодаря пожилой госпоже. А в безопасности мы из-за наложницы Вей, которая никогда не говорила ни о ком ничего плохого. Одни льстят Минлань, другие пытаются её оклеветать! Подобным слухам нет числа. И нам не следует самим принимать в этом участие! Как хорошо, что у нашей госпожи доброе сердце, и она не воспринимает такие вещи всерьёз. Если она продолжит близко общаться с седьмым юным господином, и он продолжит приходить в зал Шоу'ань, это изменит ситуацию. Седьмой юный господин выглядит весьма жалко, это бросается в глаза. С нашей молодой госпожой не так-то легко совладать, а пожилая госпожа относится ко всему безразлично, так что то, что он сейчас хочет учить новые слова — просто замечательно.

Сяотао выглядела ошеломлённой, и её веснушчатое лицо приобрело потерянное выражение.

— Старшая сестра Данцзюй, скажи... Наша молодая госпожа вежлива и никогда не ругалась со своими сёстрами, но пожилая госпожа жалеет её и относится к ней лучше, чем к остальным. Разве от этого не могут пойти плохие слухи?

— Не волнуйся об этом, — мягко улыбнувшись, ответила Данцзюй. — В последнее время в нашем поместье столько всего произошло. Хорошо, что у нас есть господин и пожилая госпожа, они следят, чтобы всё было хорошо. Ты живёшь здесь недавно, ты не знаешь всех этих перипетий и разногласий. Так что просто подстраивайся под текущую ситуацию и всё будет хорошо. Не бойся, добрых людей часто задирают. Если такое случится, ты должна принять это. Если мы посраим себя, ничего страшного не произойдёт, но если мы посраим свою госпожу, то это будет очень плохо.

Выслушав это, Сяотао кивнула с серьёзным видом и вернулась к работе, но спустя какое-то время спохватилась.

— Ах да, я, пожалуй, пойду скажу тем четверым растениям, не распускать слухи о том, что наша госпожа учит седьмого юного господина!

Данцзюй усмехнулась, прикрыв рот и, подражая Минлань, ответила:

— Хорошо, очень хорошо, ты быстро учишься.

Время шло, в поместье Шэн было тихо и не происходило ничего примечательного. Пожилая госпожа Шэн навела порядок в доме. Большая часть власти постепенно вернулась к Ван Ши, но другие всё ещё могли заправлять всем в пределах своих покоев и должны были спрашивать пожилую госпожу Шэн каждый раз, когда сомневались, дозволено ли им сделать что-то. Видя, что поместье пришло в порядок и слуги стали послушнее и лучше заботятся о доме, Шэн Хун чувствовал глубочайшее удовлетворение.

Жаловалась только наложница Линь. Но Шэн Хун, помня слова учительницы Кун, упорно игнорировал наложницу Линь, и даже когда за неё вступались её дети, Чанфен и Молань, Шэн Хун упрямо стоял на своём и лишь отчитывал их за их поведение. Наложница Линь отказалась принимать такой порядок вещей. За те несколько лет, которые Шэн Хун потакал ей, она привыкла, что всё происходит так, как она хочет. Так что она начала прибегать к не самым любимым своим методам: прикинуться больной, обиженной или оскорблённой. Она могла внезапно расплакаться ни с того ни с сего и провоцировала Шэн Хуна множеством других способов. Но Шэн Хун, который делил с ней постель уже более десяти лет, уже успел выучить все её трюки и выработать к ним некоторую долю иммунитета. Он всегда вспоминал прежние времена, когда он был ещё молод, и всем заправляла ещё пожилая госпожа Шэн, тогда она была добра к нему. Думая о том, во что превратились их отношения с пожилой госпожой сейчас, Шэн Хун понял, что ему не хватает сыновней почтительности. Это стало решающим фактором, и в итоге он стал ещё холоднее относиться к наложнице Линь и полностью посвятил себя работе.

Шэн Хун поощрял натуральное хозяйство и торговлю. И всего за три года его службы в правительстве префектуры Ден это место разбогатело, в казну стало поступать больше налогов и, благодаря его связям, он легко мог решать дела, требовавшие взаимодействия с другими префектурами. Предполагалось, что когда его трёхлетний срок службы истечёт, он сдаст свои экзамены, получит пятый ранг чиновника и продолжит работу.

Сосредоточившись на работе и на продвижении по карьерной лестнице, Шэн Хун не обращал особого внимания на настроение наложницы Линь. С Ван Ши, имевшей взрывной темперамент, было сложнее. Но, поругавшись с ней несколько раз, Шэн Хун привык и к этому. Вот и в этот раз, когда они спорили, Ван Ши было совершенно нечего ему ответить. Шэн Хун критиковал её за каждую её ошибку: «неуважительная, непочтительная, недобродетельная». После всех этих выпадов со стороны Шэн Хуна у Ван Ши не было сил на ответ, и Шэн Хун вновь и вновь одерживал победу. На выходных он частенько посещал юных и красивых наложниц Сян и Пин, дабы поднять себе настроение и убедиться, что его дети выполняют домашнюю работу. Это

был весьма расслабленный образ жизни для Шэн Хуна.

Каждый раз, когда наложница Линь чувствовала, что атмосфера была неподходящей, она прекращала плести интриги и не осмеливалась ничего просить, пуская всю свою энергию на попытки умаслить Шэн Хуна.

Минлань практически не выходила из зала Шоу'ань, проводя всё время в компании пожилой госпожи Шэн. Юный и старый человек проводили своё время в гармонии и веселье. Каждый раз, когда Шэн Хун посещал зал Шоу'ань, он чувствовал эту приятную и уютную атмосферу. Она расслабляла его. Пожилая госпожа Шэн общалась куда более охотно, изредка разглядывая вышивку Минлань. Это новое чувство искренней любви было весьма приятным. Особенно когда Молань и Жулань работали вместе, Чанбай и Чанфен преуспевали в учёбе, а его жена и наложницы сдерживали свой темперамент. На первый взгляд, всё это было воплощением гармонии. Шэн Хун чувствовал, что впереди его ждёт лишь мир и процветание.

Сегодня после обеда они должны были пойти на уроки по игре на гучжэн от госпожи Чжуан. Пальцы Минлань болели с самого утра, но господин Чжуан продолжал диктовать без остановки. Если это продолжится, то у неё не будет времени отдохнуть в обед. Окинув класс скорбным взглядом, она увидела, что помимо неё и Чандуна, никто не был занят письмом: все остальные сидели и просто внимательно слушали учителя.

Они обсуждали последние новости из столицы о третьем и четвёртом принцах. Третий принц проводил много времени со своими наложницами, трудился день и ночь, но результата не было: у него до сих пор не было наследника. Во дворец приглашалось множество жрецов и монахов, которые целыми днями жгли благовония и молились. Это привлекало множество внимания со стороны служащих, поскольку единственный сын четвёртого принца был здоровым и уже начинал учиться говорить. Четвёртый принц был толстым, но при этом у него был мягкий характер и доброе сердце, так что народу он нравился.

Императору становилось хуже с каждым днём и обсуждения на тему того, кто станет его наследником, разгорались всё жарче. У обоих кандидатов были свои приверженцы, размахивавшие флагами и призывавшие поддержать их. Всё это создавало ужасно много шума.

Господин Чжуан рассказывал о книге под названием «Семейный язык и ритуалы Запада по Конфуцию», в которой было высказывание: «Когда наследный принц умер, император не передал корону своему внуку, сыну наследного принца, но вместо этого сделал правителем другого своего сына». Хороший учитель попытался бы связать теории с этой темой, к тому же этот господин был смел, так что он предложил эту тему, чтобы студенты могли высказать своё мнение о том, кто должен стать следующим правителем: законный наследник или же избранник народа?

Вначале Чанбай и Чанфен возмутились, подумав, что плохие высказывания о дворце могут повлечь за собой проблемы. Но господин Чжуан с улыбкой махнул рукой и ответил:

— Не будет никаких проблем. Сегодня даже в столичных чайных частенько обсуждают это, не говоря уж о принцах, правительственных и других чиновниках. К тому же, обсуждение за закрытыми дверями не повлечёт за собой никаких проблем. Более того, мы же просто обсуждаем, кто был бы более достоин стать следующим правителем, мы обсуждаем лишь принцев и никого больше из правительства, и мы всего лишь говорим!

К этому времени многие уже привыкли доверять мнению учителя Чжуана, так что ученики тут же присоединились к обсуждению. Они быстро поделились по сторонам: Чанбай и Жулань считали, что трон должен занять законный наследник, тогда как Чанфен и Молань были за народного избранника. Минлань сомневалась, не зная, чью сторону принять, а Чандун не участвовал в дискуссии.

Первым заговорил Чанбай, начав дискуссию с напоминания о прошлом императоре Цинь Эрши, который носил имя Ху Хай, и был известен как прогневший император. Он не был законным наследником трона, и он привел целую династию к упадку. Чанфен, в свою очередь, быстро ответил на это примером прекрасного правления императора У Хань, также известного как Лю Чэ. Он был десятым сыном императора Цзин, который, в свою очередь, был старшим сыном императора Вень Хань. У Хань был всего лишь ребёнком наложницы, однако из-за того, что законная супруга его отца погибла так и не сумев родить ему наследника, он стал императором. Чанбай оспорил это тем, что, согласно истории, император Цзин обожал маленького Лю Чэ и очень сильно баловал его, а его мать, Ван Чжи, должна была стать следующей императрицей после смерти предыдущей. И, согласно традициям престолонаследования, Лю Чэ как раз таки становился прямым наследником трона. Чанфен не знал, что ответить, но тут вмешалась Молань, осторожно напомнив всем известного глупца, императора Хуэй Цзинь.

— Все чиновники и военные офицеры были наслышаны о мудрости императора Хуэй Цзинь. Но когда он стал наследным принцем и, наконец, взошёл на трон, его супруга Цзя Наньфен стала манипулировать им практически в открытую, а его восемь сыновей в итоге передрались друг с другом, сражаясь за власть. Всё это привело к изгнанию всей императорской семьи на юг, чего не случилось бы, достанься трон другому наследнику. Неправда ли, старший брат? — произнесла она тихим голосом.

Жулань не слишком хорошо знала теорию, но она брала напористостью.

— Разве много в мире столь глупых людей, как император Хуэй? Или же четвёртая старшая сестра считает, что все дети наложниц глупы? — переспросила она, вклиниваясь в разговор.

Затем они продолжили вспоминать множество других примеров плохих и хороших императоров. Они вспомнили тиранию императора Яна, в эпоху правления которого случилось множество бедствий. Затем императора Тайзуна, чьё правление считалось золотым веком в истории Китая и династии Тан. Конечно, считалось, что второй сын не может сравниться с первым, но сейчас обе стороны дискуссии находились в патовой ситуации. Господин Чжуан с интересом слушавший всё это подумал, что это звучит даже в какой-то степени мило. Все они излагали свои мысли чётко и ясно, однако все они были неуверенны, в их голосах слышалось сомнение.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/484302>